

Факс «зашуршал» ночью, и можно было бы утром узнать, что за сообщение пришло, но раз уж я услышал его позывные, то решил сделать это, не откладывая. «Акимат города Экибастуза Павлодарской области Республики Казахстан приглашает президента издательского дома «Вешние воды» на юбилейные торжества, посвящённые 50-летию города». Слово «президент» вызвало улыбку. Вместо привычного «директор издательства» меня называли «генеральный», «глава», «председатель»... А теперь вот – «президент». Что только не придумают отправители! Но главное я понял: мечта сбылась!

То, что в 2007 году городу Экибастузу исполняется 50 лет, я помнил всегда и мечтал хоть одним глазком взглянуть на город детства в день юбилея. Впрочем, что там юбилея! Мне часто снилось как я каким-то образом попадаю в знакомые до боли улицы, дома, школу, Дворец культуры горняков... Брожу, узнавая и не узнавая детали, запечатлённые в памяти, и новые, созданные сонным воображением. Особенно часто снилось удивительно красивое место, где располагался пионерский лагерь «Орлёнок», в котором я отдыхал каждое лето с первого по восьмой класс, да ещё по две смены. Называлось оно Жасыбай. Так продолжалось с далёкого теперь

1965 года, когда наша семья переехала из Экибастуза Павлодарской области Казахской ССР в старинный русский город Орёл. Страна СССР была единой, паспорта были едины, деньги были едины.

Кто бы пригласил от акимата (администрации города) на юбилей человека, уехавшего четырнадцатилетним мальчишкой в другой город, да ещё в другую страну, если бы не Станислав Павлович Куржей, в советское время Герой Социалистического Труда, член ЦК Компартии Казахстана, генеральный директор производственного объединения «Экибастузуголь», почётный гражданин города Экибастуза? Да тот самый Станислав Павлович, живший в соседнем доме по 2-му Северному проезду и бывший главным инженером второго разреза, с которым я изредка поддерживал связь с 1990 года. На моё пожелание побывать на юбилее он ответил по телефону: «Без проблем!».

Аэропорт «Домодедово» приветливо встретил вечерними огнями. Я на минуту представил, как посмотрел бы восьмиклассник 1965 года на обычный аэровокзал 2007-го... Полная фантастика! Эскалаторы, лифты, буфеты, магазины «Дьюти фри», люди в яркой летней одежде, красиво одетые девушки – такими мы их не

видели даже в фантастических фильмах: прохаживающиеся, разговаривающие по мобильным телефонам. Изобилие товаров, неизвестное тогдашнему советскому обывателю... Нет, сорок два года – это даже не «двадцать лет спустя». Эдмона Дантеса никто не узнавал после четырнадцатилетнего отсутствия, а кто узнает меня, почти пенсионера? Ещё интереснее, узнаю ли я кого-нибудь из далёкого детства?

После получения приглашения в голову постоянно крутились картины из экибастузской жизни...

Золотая осень 65-го... Восьмой класс, первая школа. Наконец-то школьные вечера 8 – 11-х классов теперь доступны для нас. Старший брат Кольки Дракина, товарища по пионерлагерю, Василий – солист школьного ансамбля – поёт новую модную песню «Воскресенье». У нас с соседом и одноклассником Юркой Омаровым глаза разбежались – девчонки наши за лето похорошели, а теперь мы уже были причислены к старшеклассникам, где девятиклассницы, десятиклассницы, наконец – одиннадцатиклассницы. Просто инопланетянки! Лида Михеева из 10-го А, Надя Сиденко из 11-го Б, Наташа Гордеева из 11-го А... Кого приглашать? И вообще, с чего начать, если ни разу не танцевали? Обещали подойти друзья по пионерскому лагерю Саня Титанакон, Стёпа Убираев, Сашка Сыздыков. Только-только жизнь начала набирать обороты, и тут родителям приспичило переезжать в какой-то город Орёл...

Объявили мой рейс. Билеты я заказал заранее: туда Москва – Павлодар, оттуда Астана – Москва. Прямых рейсов в Экибастуз не было, хотя в советское время аэропорт в известном шахтёрском городе работал. Вылет состоялся глубокой ночью, и в тишине, среди дремавших пассажиров, память воспроизводила картины прошлых лет ещё яснее.

Сохранился ли карьер, в котором плескались в жаркое лето до поездки на озеро Жасыбай в пионерский лагерь? На месте ли школа № 1, которая была совершенно новой и в здание которой мы перешли уже в четвёртом классе? Третий этаж казался небоскрёбом, ибо в городе до появления пятиэтажек практически не было зданий выше двух этажей. Кто-то в соседнем классе,

выбросил табурет из окна, и он разлетелся на части, которые могли сойти нам за игрушечные автоматы. Мы с Лёнкой Нечаевым повторили эксперимент и попались завучу, за что влетело от родителей и пришлось приносить табуретки из дома. Как там Дворец культуры горняков? Любимейшее здание, где в детстве смотрели кино, концерты, смотрели художественной самодеятельности, спектакли Павлодарского театра драмы и кукольного театра; где по воскресеньям забываемая методист Лера Александровна знакомила нас с шедеврами изобразительного искусства, рассказывала о великих художниках. Здесь в библиотеке долгими зимними вечерами я зачитывался «Волшебником Изумрудного города», фантастикой И. Ефремова, А. Беляева, научными статьями журналов «Наука и жизнь», «Техника – молодёжи», «Знание – сила». Как там музыкальная школа, где я провёл целых шесть лет за баяном под началом прекрасного учителя Николая Андреевича Коха? Только его терпение и настойчивость помогли окончить школу, ведь так не хотелось пикировать на баяне в 7-м классе, когда спорт, книги, интересные девчонки отодвигали баян далеко на задний план.

Как там мои друзья – сосед по дому и по парте Юрка Омаров, его сёстры Галя и Лиля, братья Сергей и Искак? А соседские ребята – Колька Соловьёв, Сашка Гладких, Лёнка Рычковский, Валера Решетняк, самый взрослый Женя Куржей (сын Станислава Павловича), малыши Женька Шишлов, Володька Колодуб, Женька Левин? Наши дома и улицы – Иртышская, Лихачёва, 2-й Северный проезд... Вспомнились наши бесконечные детские игры в шандр, бабки, классики, круг вышибала, футбол, волейбол, «бочку с дерьмом», лазание по дворам ночью, как мы называли – «шухарить» и т.д. Казахский язык мы слышали в основном в разговорах казахов и нам он казался благозвучным и приятным. На магазинах и учреждениях вывески были на двух языках, но первым был казахский. Кетартар (книжный), Асхана (столовая), Арак-Шарап (вино-водка) и другие названия сохранились в памяти.

Сидящий рядом мужчина всхрипнул так, что показалось, будто задрезал весь самолёт.

Светать начало довольно быстро, ведь мы летели на восток от Москвы. Вскоре показалось солнце, полёт подошёл к концу. За иллюминаторами показались Иртыш и многоэтажки Павлодара. Я подумал: «А ведь мы летим над совершенно новым государством Казахстан, в котором я ещё ни разу не был». Павлодар встретил весьма неказистым аэропортом. В небольших помещениях проходил паспортный контроль. Из окна было видно, как в грузовик укладывали в несколько этажей багаж пассажиров. Наконец на выходе меня окликнул Женя Куржей, вернее уже шестидесятилетний стройный мужчина с седым ёжиком – Евгений Станиславович Куржей. Его весёлые глаза и движения сразу напомнили того Женьку, которым мы восхищались: восхищались его модной одеждой, его «Волгой» цвета морской волны, – в городе тогда таких машин было только две. Сели в добротную «Хонду» и покатали в Экибастуз. По дороге я с волнением начал перелистывать страницы закрытые для меня на сорок два года...

Надо сказать, что с момента появления Жени реальность для меня стала ощущаться как сон. Я вроде бы всё видел и чувствовал как обычно, но в сознании ярко возникла история прошлых лет, и синхронно происходило сравнение того, что я вижу сейчас, и того, что на этом месте было в детстве. Проплывающая за окном степь возникала в памяти без каких-либо изменений, зато прямая трасса неплохого асфальта высвечивала в сознании хорошо укатанную степную дорогу, порой не уступающую шоссе. Наконец показались невысокие зелёные ровные и длинные холмы, в которых я узнал отвалы отходов от разработки угольных карьеров, только они были чёрно-коричневого цвета и за сорок лет покрылись растительностью. На горизонте слева появились едва различимые очертания зданий и строений, сладко защемило сердце: вот он, мой долгожданный Экибастуз!

«Хонда» повернула с трассы Павлодар – Акмола. Вдали показалось озеро, которое, как мы думали с Юркой Омаровым, «открыли» в далёком 1960 году, бродя за городом в поисках «приключений». Недалеко поблёскивал водой канал Иртыш – Караганда, бывший в детстве только мечтой.

Память подсказывала, что вот сейчас увижу что-то знакомое, а действительность оказывалась другой, всё переставляла и меняла... Ничего не осталось на месте бывшего аэродрома, куда мы бегали любоваться самолётами. Железнодорожный узел сохранился, только рядом с «нашим» вокзалом появилось новое, более крупное здание. Новшеством стал каменный парк у вокзала, глыбы которого напоминали горы Жасыбая и Баян-Аула, а вот привокзальный посёлок из небольших двухэтажек полностью сохранился, правда здания выкрашены в ярко-жёлтый цвет, а крыши – в тёмно-вишнёвый, но здания те же. Впереди показалась незнакомая широкая улица с внушительными многоэтажками, а мы свернули на улицу горняков, упирающуюся во Дворец культуры (краем глаза заметил какие-то непривычные розовые оттенки на фасаде здания, может, оно уже другого предназначения?), повернули влево возле бывшего гастронома «Горняк», затем нырнули в узенький переулочок позади тогдашней школы № 5 и остановились у входа в небольшую гостиницу.

Женя с первых минут был очень любезен, особых эмоций не проявлял, да и помнить меня может и не помнил, – на момент моего убытия он окончил школу. В данный момент выполнял поручение отца. Тем не менее я успел в дороге расспросить о многом. Директор нашей школы Богдан Богданович давно живёт в Германии, учителей моих и одноклассников Женя почти не помнил, из соседей остались только родители Кольки Соловьёва в нашем посёлке. Школы музыкальной нет, в конце 1980-х в ней размещался горком комсомола.

Подъезжая к вокзалу, увидел корпус бывших мастерских ЦЭМ-5, где работал отец и я мальчишкой начинал работать на токарном станке. Женя сказал, что там уже нет мастерских. Аэродром переместился в южную часть города и стал современным аэропортом с бетонной взлётной полосой на зависть Павлодару, но в лихие девяностые регулярные полеты Экибастуз – Москва, Экибастуз – Алма-Ата и другие прекратились.

Здание ведомственной гостиницы «Белочка» разреза «Восточный» стояло на месте двухэтажного общежития в двух десятках метров от нашего дома, где мы жили до 1958 года. Из окна

шикарного номера я увидел крышу дома моего раннего детства, утопающего в зелени деревьев, и понял, что полусон-полуявь становятся всё интереснее и я отлично ориентируюсь в районе старого Экибастуза.

Неужели это не сон и я действительно в Экибастузе?!

Короткий отдых, приглашение на завтрак приветливой официанткой столовой Анастасией унесли дорожную усталость. Чувствовалась заботливая рука Станислава Павловича, знающего все мелочи приёма гостей любого уровня. И точно: не успел я позавтракать, как работник гостиницы сообщил, не скрывая огромного уважения к пришедшему, что «подошёл сам Куржей».

Если Женю я узнал сразу, то в стройном, невысокого роста, симпатичном мужчине с аккуратной сединой никак нельзя было признать восьмидесятилетнего пенсионера. В лучшем случае Станислав Павлович выглядел как мужчина «за шестьдесят». Его голубые глаза излучали доброту и приветливость. С первых минут нашего общения я понял, что предо мною выдающаяся личность. Мелькнула мысль: ведь он на пульсе жизни Экибастуза все эти пятьдесят лет, прошёл путь от начальника участка разреза до генерального директора производственного объединения, стал просто живой легендой. Невольно возникли сравнения:– как Шолохов в Вёшенской, как Илизаров в Кургане, С.П. Куржей олицетворял шахтёрскую славу всей Советской страны.

Станислав Павлович кратко ознакомил с праздничными мероприятиями, сообщил, что будет предоставлено место почётного гостя, в моём распоряжении будет гид в лице главного технолога разреза «Богатырь», он познакомит с достопримечательностями города, разрезами, совершим поездки по местам моего детства, включая Жасыбай. Я был восхищён такой насыщенной программой, а пока решил не терять времени и пройтись по городу, попытаться дозвониться до кого-нибудь из друзей далёкого детства. Станислав Павлович торопился на совещание в акимат, а личную нашу встречу запланировал на последний, четвёртый день у себя дома.

Прощавшись с гостеприимным Куржеем, я вышел прогуляться по старому центру города. Теперь стало ясно, что центр давно уже не здесь, а там, где я видел из окон «Хонды» современные крупные здания поодаль от улицы Горняков. За углом гостиницы, всего в десятке метров, начиналась узенькая улочка, заставившая сильнее биться сердце. Здесь сохранились все домики (почему-то их называли финскими), где прошло моё дошкольное детство. Фантастика! Я с закрытыми глазами помню каждый метр вокруг этих нескольких домов. Я всё узнал, несмотря на небольшие косметические изменения зданий и постаревшие деревья. И самым первым стоит НАШ ДОМ!

Возле калитки пожилой мужчина хлопотал по хозяйству. «Здравствуйте, я здесь жил в детстве, тут ещё жила женщина, помню её отчество – Яковлевна», – обратился я к собеседнику. «Это моя тётя. А вашу маму звали Полина Пахомовна, а отца Иван Иванович? У них был маленький мальчик, ходил в детсад», – ответил он. «Я и есть тот маленький мальчик», – подтвердил я. «А Вас как зовут?». «Виталий», – с возросшим интересом ответил мой собеседник. И я вспомнил это имя! Виталий казался тогда взрослым мужчиной, и наши детские забавы никак не пересекались с его семнадцатилетней жизнью. Но что-то память оставила, кажется, он помогал нам весной паровозики по лужам пускать, и в общезжитие на месте «Белочки» к солдатам ходил в гости, ещё подарил нам раскладные стаканчики. А память неистово восстанавливала соответствие расположения комнат тогда и сейчас. К нам присоединилась жена Виталия, которую я никогда не знал, но по теплоте их отношений понял, что все новые постройки и уют в доме результат её трудов – жены и хозяйки.

Я как во сне походил по комнатам детства, по огороду и видел, что хозяевам это было приятно. Они быстро переоделись, сфотографировались со мной на память и стали предлагать ужин. Пришлось вежливо отказаться, так как я ничего не успел бы посмотреть дальше. Расспросив о семье Лученцов, с которыми мы дружили до самого отъезда, о других соседях, я понял, что с Виталием Ивановичем Мозжевым просто повезло, больше никого не осталось на

нашей улочке, которая так и называется – Узкий проезд. Только несколько старых тополей приветливо шелестели листвой, давая знать, что помнят малыша Сашку Лысенко, бегавшего с ватагой ребят по дворам и улицам, раскачивавшихся на качелях и горланивших военные песни «Шёл отряд по берегу», «Варяг», «Солнце скрылось за горою», которые привёз отец из армии, вернувшись через два года в этот дом.

Выйдя на улицу Новосёлов, я увидел, что нет дежурного магазинчика на углу, в который мать приводила меня купить конфет или печенье. Кстати, после расчётов с гостиницей и буфетом, мне понравился курс казахской валюты – тенге. Дальше путь следовал к Дворцу культуры горняков, на стройку которого мы бегали мальчишками, и где мой дед Пахом Максимович успел поработать сторожем. Я слышал тогда непонятное слово «зэки», говорили, что они строили это самое красивое здание в Экибастузе. Теперь, когда открыты многие страницы советского прошлого, можно предположить, что среди строителей был Александр Исаевич Солженицын. Дворец стоял на месте, но был какого-то невысказанного тёмно-лилового цвета, что делало это великолепное здание каким-то мультяшным и несерьёзным. Оказывается, его занял ночной ресторан, и в зрительном зале с прекрасной сценой теперь стоят столики посетителей, есть большая танцевальная площадка на месте сцены – чего почти нет в современных ресторанах. Да... Повезло ресторану... Круглая лестница, площадка, где стояла на Новый год главная ёлка города, лепка внутри помещений – всё до боли знакомо, только покрашено невысказанными цветами – тёмно-синим, зелёным, розовым, красным... Библиотеки, увы, уже не было, хотя я привёз именно для неё книги в подарок. Очевидно, уже много других красивых зданий построено в городе, и мой любимый Дворец потерял своё былое величие. Деревья вокруг Дворца были старые, значит, те самые, которые я видел в детстве, особенно серебристые маслины (как мы их звали в детстве и безжалостно обрывали созревшие плоды осенью), а памятник Ленину теперь стоит совсем другой, огромный и грубый. Воспоминания так неожиданно обступили стеной, что я не мог не удивиться –

как всё это дремало в душе: оркестр баянистов на сцене Дворца культуры горняков, секция бокса под руководством Юры Шадрина, его друзья-боксеры Ваня Ширихай, Володя Малков, Толик Алтунин, казавшиеся мне сказочными богатырями, ничуть не меньше, чем знаменитые мушкетёры из книги А. Дюма. И, конечно же, еженедельные походы в кино по воскресеньям с первого класса и вплоть до отъезда из города.

Всё равно всё это смахивает на сон... За территорией Дворца через улицу Новосёлов был центральный парк, теперь, очевидно совсем заброшенный, ибо ни деревянного магазинчика на углу, ни гигантских качелей, никаких детских сооружений видно не было, лишь опустевшие площадки, кусты и деревья, да кое-где сохранившийся ажурный бетонный заборчик, не узнать который было невозможно. Грустное путешествие в парк закончилось. А вот и бывший детский сад, который я любил за уют, добрейшую воспитательницу Нину Максимовну и огромный ковёр в парадном зале, на котором мы играли, проводили утренники и новогодние ёлки. Увы, я увидел остатки здания без крыши, проёмы окон, узнаваемую надпись лепниной «Детский сад» и сзади кран, который всё предыдущие дни совершал свою разрушительную миссию.

На противоположной стороне парка я опять испытал горечь утраты –там было здание горисполкома, горкома партии и трест «Иртышуглестрой», а теперь это были двухэтажные руины с заколоченными окнами, и вряд ли кто подумает, что здесь когда-то находились все органы власти города и к этому зданию люди шли с трепетом. Наконец дошёл до места, где стояла детская музыкальная школа имени Глинки, и увидел за высоким забором незнакомые ухоженные здания. Было ясно, что здесь ничего не осталось. Я решил, что на первый день впечатлений хватит. Конечно, этот старый центр города застроят и благоустроят, о чём говорит довольно чистая, вероятно подготовленная под будущие строения территория. Итак, в следующие дни мне предстоит увидеть дома и улицы современного Экибастуза.

Новый день встретил июньским солнцем и радостным предвкушением поездки по городу и на разрезы. Ровно в 10 часов, как предупредил

Станислав Павлович, тёмно-синяя «Нива» подъехала к входу гостиницы, и я познакомился со своим гидом – главным технологом разреза «Богатырь» Михаилом Васильевичем Спиридоновым, оказавшимся приятным собеседником и весьма квалифицированным специалистом.

Выехали на центральную улицу Ленина, широкую, зелёную, с приличными многоэтажными зданиями. Я сразу вспомнил, что это бывшее пустынное поле от вокзального посёлка до южной части города, где маленьким квадратиком стояла лишь городская больница из нескольких небольших зданий. На этом поле мы гоняли на велосипедах, жгли пионерские костры по окончании учебного года, а в осенние дни по нему катились тысячи шаров-колючек – «перекасти-поле». Здесь-то и вырос новый многоэтажный Экибастуз, а наш «соцгород» превратился в уютный окраинный уголок. Вместо старой больницы стояла великолепная поликлиника, а когда-то новый широкоэкранный кинотеатр «Юность» превратился в здание дискотеки и развлекательного центра.

Выехали за город. Я увидел огромный комплекс ГРЭС-1 с 300-метровой трубой, возле которого маленькой свечкой торчала наша, тогда казавшаяся гигантской, труба ТЭЦ. А ведь в 60-е годы это был маяк на многие километры в степи. Электростанцию возглавлял опальный премьер-министр СССР Георгий Максимилианович Маленков.

Промелькнули южные отвалы, мимо которых мы уезжали в пионерский лагерь на озеро Жасыбай, и показались разрезы. Для тех, кто не видел это чудо света, трудно найти подходящее словосочетание, чтобы описать всё это великолепие союза природы и человеческого разума, направленного на создание энергии и тепла, и без чего цивилизации бы не существовало.

Как можно описать состояние, когда со смотровых площадок разреза «Богатырь» видишь три гигантских каньона, внутри которых сотни стотонных самосвалов, многоэтажных роторных экскаваторов, многовагонных железнодорожных составов, электровозов, чётко и слаженно выбирающих тысячи тонн первоклассного угля, вывозящих породу на отвалы, тысячи энергонесущих столбов, километры

и километры электропроводов, железнодорожных путей... Причём, кажется, что какая-то сверхъестественная сила управляет этим могучим производством, где трудятся тысячи и тысячи шахтёров, и нет пугающей тесноты и ежеминутной опасности как в угледобывающих шахтах. Природа щедро предоставила многометровые угольные пласты прямо у поверхности земли – копай и увози на здоровье. Незабываемая картина: крутятся стрелы экскаваторов, змейками извиваются составы поездов, ползают жёлтые букашки многотонных самосвалов... Подумалось, вот она – настоящая музыка жизни.

Ещё раз порадовался, что есть такие специалисты как Михаил Васильевич, умеющие так квалифицированно, даже, не побоюсь этого слова вдохновенно рассказать обо всех нюансах и тонкостях этой, казалось бы, прозаической профессии. Говорят, Станислав Павлович назвал разрезы «угольной симфонией». И это справедливо. Ни один разрез в мире не добывает столько миллионов тонн прекрасного угля, как «Богатырь». Ясно было, что дела здесь идут успешно. Ухоженная территория, деревья, цветы радуют глаз, приветливые лица сотрудников... И это в то время, когда на многих предприятиях упадок производства, сокращения, невыплата заработной платы...

Директор разреза Серик Жуматаевич Макаров показался эдаким богатырем по положению и манере поведения, подстать названию крупнейшего в мире угольного разреза. Поведал с юмором о визите к австралийским коллегам, с нескрываемым высокомерием встретившим посланцев из малоизвестного Казахстана, а когда те вникли в масштабы производства экибастузцев, то стали похожи на провинившихся детей. Со словами благодарности за экскурсию я вручил «шахтёрскому генералу» книги своего издательства.

Вдруг в разгар нашей беседы в кабинет зашёл солидный седой мужчина, и ему сказали, что я не был сорок два года в городе, назвали мою фамилию, имя, отчество. «Сашка Лысенко, что ли? Я хорошо знал его. Заводила, спортсмен, любитель пошухарить по огородам. Мы мальчишки всегда его помнили, мечтали попасть в его ком-

панию», – стал вспоминать он. Я открыл рот от удивления, не скрою, приятного. «А тебя как зовут?» – с удивлением спросил я. «Стас Жилковский. Жил на 2-м Северном проезде через пару домов от дома Валерки Решетняка, но учился на два класса ниже, с братом Юрки Омарова, поэтому можете не вспомнить. Мы с друзьями часто наблюдали за вашими пробежками, тренировками, стараясь быть незаметными», – с улыбкой ответил Стас. Конечно, два года разницы в 13–14 лет очень ощутимы, и я с интересом стал расспрашивать о друзьях и одноклассниках. Почти всех знал Станислав Леонидович, теперь заместитель технического директора разреза «Богатырь» по охране труда.

От него я узнал, что одноклассники Лёнька Нечаев, Толик Мартынов, Витька Бабкин, Витька Бакулин в годы после школы имели проблемы с законом и алкоголем. Мой лучший друг детства Юрка Омаров стал зваться Ибрагимом в советский период работал в профсоюзе «Экибастузуголь», затем как-то исчез из поля зрения. Запомнились его удивительные математические способности и великолепная память. Он моментально мог сказать, где и когда произошло то или иное событие мирового масштаба. Саня Титанаков – весёлый мой товарищ последнего лета шестьдесят пятого года – жив, здоров и трудится в их системе. Саша Сыздыков, одарённый спортсмен, где-то в Баян-Ауле. Стёпа Убираев и Фариз Джамбул уже в мире ином... Радостные и печальные мысли окутали меня, и только гостеприимное приглашение генерального директора к обеденному столу прервало беседу. Надо отметить, что посещение разрезов было очень интересным как экскурсия, но не щемило в груди от обычной новой информации. А вот обратно в город мы поехали по улицам старого Экибастуза...

Волнительно было видеть, что северная часть в основном сохранилась за четыре десятилетия. И дома, и улицы были узнаваемы. Здание бывшего интерната, «дом Маленкова», сохранившиеся кое-где бараки, двухэтажки 50-х, двухквартирные домики – всё отдавало тёплой волной памяти. Здание родной школы уже не было одиноким среди поля, его плотно окружили жилые пятиэтажки, скорее всего 70-х

годов постройки. Июнь. Занятий уже нет, но идут экзамены: по школе сновали незнакомые дети и учителя. В просторном ранее вестибюле теперь отгорожена комната для школьного музея, где заведующая Людмила Николаевна показала многие старые фотографии, на которых я узнал многих своих учителей, директора школы, но нашего класса при беглом осмотре не нашёл – то старше, то младше... Я заметил, что моё путешествие «в детство» очень интересно и моему гиду Михаилу Васильевичу. Наверное, со стороны это выглядит впечатляюще: натуральная картина встречи людей через десятилетия и моя реакция на огромные изменения. Я прошёл по просторным коридорам всех трёх этажей школы, полюбовался постаревшими подрезанными тополями, которые мы сажали пятиклассниками, и распрощался с заведующей музеем и школьным библиотекарем, тоже Людмилой Николаевной. Пообещал подарить книги, альбомы, открытки, которые привёз из Орла. Чуть позже я это выполнил. Стало понятно что через сорок лет искать знакомых учителей мало смысла...

Из школы поехали к 8-му Северному проезду, где жила одноклассница Таня Колюх. По пути увидел, что уже нет маленького кинотеатра, где мы повторно смотрели фильмы, которые понравились и ранее демонстрировались в ДК и «Юности». Я увидел, что улицы переименованы, но цепкая детская память всё-таки нашла 8-й Северный, который теперь переименован в проезд М. Шарманова. В доме № 64 никто не отозвался, рядом стоит дом № 66, в котором жил с дедушкой и бабушкой друг Юрка Соколов, проучившийся в нашем пятом классе всего год. После его отъезда приехала сестра Галя, в которую я влюбился с первого взгляда, тогда, к сожалению, безответно. Зато для меня открылся мир женской красоты.

Через пару лет она вместе с дедом и бабушкой уехала из города. Я позвонил в калитку, вышел пожилой мужчина, оказавшийся младшим братом Тани. Он пояснил, что их семья купила дом у Соколовых, и сообщил печальную весть, что Таня умерла несколько лет назад. Ещё одна ниточка оборвалась в детство, и жестокое дыхание времени пронзило всё тело.

Потрясённый, я сел в машину, молча показав рукой путь до «магазина на Бугорке», куда ходил весь посёлок за продуктами, но увидел только новое здание с пустыми окнами и замком на дверях. Подъезжая к «нашим домам», где я жил с 1958 по 1965 год, я улыбнулся, увидев на улице Шахтёрской действующий до сих пор продуктовый магазинчик, где мной были когда-то куплены килограммы ирисок и пряников. Машина свернула на 2-й Северный проезд, который остался с прежним названием, и как 42 года назад, неасфальтированным. Промелькнули дома, где жили Лёнька Рычковский, Женя Куржей, Саша Гладких, Валера Решетняк. У дома Соловьёвых как-то сразу узнал Валю Соловьёву – старшую сестру моего друга Кольки. Я вышел из машины: удивление и радость встречи засияли в глазах Вали, она стала приглашать в дом, и я с замиранием спросил о тёте Ане и дяде Васе, её родителях. «Живы, живы! Сейчас увидишь», – засмеялась Валя. И точно! Два симпатичных старика сидели на диване, улыбались и радовались встрече. Василий Фёдорович сразу вспомнил отца и то, как они работали над рационализаторскими предложениями и получали премии. Сфотографировались на память, Валя успела скинуть рабочую одежду, переодеться, а тётя Аня пошла со мной в мой родной дом, на углу по улице Иртышской, 63/1 и 2-му Северному проезду, где я рос до 14 лет, и где мои друзья-соседи на веранде в течение семи лет отмечали мой день рождения и День шахтёра. По пути она поведала, что давно не живут здесь Рычковские, Гладких, Куржей, Омаровы, Левины, Загурские, в нашей квартире недавно сменились очередные хозяева, но очень старательные – всё обновляют и перестраивают. А улица Иртышская теперь носит имя Пшимбаева.

С волнением я преодолевал эти десятки метров. Прошло ровно 50 лет с тех пор как мы переехали сюда из Узкого проезда, но, конечно. Дом я узнал, хотя он был обложен свежим кирпичом. Сохранились фрагменты веранды, служившей мне летней комнатой и осенним складом арбузов. Отец покупал их в ближайшем совхозе по невысказанно дешёвой цене – кажется, 5 копеек за килограмм. Молодая хозяйка показала наши комнаты, кухню, ванную, по которым

я часто ходил в своих снах все эти годы. Огород и деревья были совсем другие, и лишь клён недалеко от калитки был нашим уцелевшим деревом. Сколько детских игр и впечатлений связано с этим домом, двором! Зимой наметало огромные сугробы, и я выстраивал сказочные замки и пещеры, а все соседские мальчишки восторгались их красотой.

Тепло попрощавшись с Валею и тётей Аней, вспомнив, что цветы в их огороде всегда напоминали чудесный ковер, что видно и сейчас, я поехал в гостиницу и весь остаток вечера увиденное было у меня перед глазами. Позвонил своей учительнице начальных классов, Раисе Адамовне Рыслиной, телефон которой мне дала заведующая школьным музеем. Мы вспомнили некоторых учеников нашего класса. Очевидно, глубокий пенсионный возраст и обычная женская стеснительность не позволили ей предложить встречу, а я и не настаивал, радуясь, что вообще услышал её голос.

Тут я себя поймал на мысли, что впервые автоматически не обращаю внимания на сорокалетних экибастузцев, не говоря о молодёжи. Ведь все, с кем я могу о чём-то поговорить, в возрасте ближе к шестидесяти и старше. Это открытие поразило меня. Это значит я тоже уже почти старик, а по юношеским понятиям – динозавр, динозавр, забредший в город детства. Прямо скажем, не очень весёлое открытие.

Позже я позвонил сестре Тани Колюх, и Нина рассказала, что практически никого из одноклассников я не найду, многие давно уехали: Ира Скачкова, Вера Бакуменко, Ира Зозуляк... Я удивился, как только что увиденные дома и улицы, встречи с Соловьёвыми переплелись с памятью детства. Снова пришло ощущение, что я смотрю очередной сон.

На следующее утро меня уже ждал Анатолий Антонович Медведев, чиновник из коммунального хозяйства, которому, видно, поручили показать мне современный город. Я с большим удовольствием посмотрел на всё построенное после 1965 года, зашёл в православный храм, посмотрел на масштабный комплекс мечети (в советское время религиозных сооружений в Экибастузе не было). Воочию убедился, что могут сосуществовать и приносить пользу

людям различные вероисповедания, о чём многократно слышал на Всемирных русских народных соборах в Москве. С радостью отметил про себя, что все степные просторы вокруг и внутри огромной буквы «С», состоящей из домов и улиц в 1965 году, застроены. Для меня это был новый Экибастуз, который память не знала. Но как хорошо, что сохранили в целом весь город!

К началу юбилейного собрания мы заехали за С.П. Куржеем, и здесь я увидел, как уважали и ценили этого удивительного человека – почётного экибастузца. Все от мала до велика знали Станислава Павловича в лицо, многие спешили с ним поздороваться, важные персоны старались сфотографироваться рядом. Станислав Павлович был весел, отличный костюм на нём сидел, как на манекене, глаза горели радостью общения, на груди сияла Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

Мне досталось хорошее место в четвёртом ряду, причём я видел, что Станислав Павлович, окружённый большими чинами, водил глазами по залу, выискивая меня и, только когда я ему помахал рукой, успокоился. Открыл торжественное собрание аким (в России – губернатор) Павлодарской области, далее зазвучали то русский, то казахский языки. Я подумал, что ведь можно, как и в далёкое теперь советское время, жить дружно и весело во имя созидания. Не могу не отметить, что хозяйской нотки у казахов стало больше, чем раньше, и в руководстве всех отраслей это проявилось отчётливо. Но ведь и ситуация изменилась круто. Казахи находились в составе СССР, а теперь они хозяева в своём государстве, в дружбе с Россией, относятся к ней с уважением и совместно решают все задачи. Не так всё просто это далось в те бурные годы, но результат на сегодня есть, и прекратился отток русского населения из города, как это было в тяжёлые девяностые.

Очень интересно было видеть на торжественном собрании документальные кадры тех лет, когда жил в Экибастузе, слышать со сцены имена людей, с которыми сталкивались родители по жизни. Но, к сожалению, новых встреч, кроме встречи с Сашей Титанакowym не было, хотя позднее я узнал, что были знакомые. Но кто же,

находясь в зале, заполненном людьми, узнает друг друга через 42 года?

Вспомнилось, как утром проезжали мимо знаменитого «Дома Маленкова», который непонятно во что перестраивается, и жалко стало, что не сохранили дом, не создали мемориальную квартиру, куда, уверен, с удовольствием приезжали бы туристы, собрали бы экспонаты, добытые у живых родственников в Москве, и т.д. Всё-таки в истории немного примеров, когда бы премьер-министр могущественнейшего послевоенного СССР, ютился в небольшой экибастузской квартире и при этом сделал много хорошего для горожан, используя огромный опыт и связи.

Благодаря Куржею оказался и на вечернем приёме, где услышал выступления известных экибастузцев прошлых лет, о некоторых из них я слышал рассказы от родителей. Редкий случай, когда собрались многие руководители города прошедших пятидесяти лет. Подчеркну ещё раз: как мне повезло! Получив на приёме в подарок книги по истории города и памятную медаль, я ещё раз отметил, как хорошо подготовились к юбилею города земляки и как велик авторитет Станислава Павловича.

Наконец настал день поездки в Жасыбай, куда все эти годы меня приводили сладкие сны детства. В 8 часов 30 минут симпатичная «Хонда» стояла у ворот гостиницы, а возле неё знакомый уже Михаил Васильевич с новым водителем. Тот откомендовался: «Павел», мне он сразу показался чем-то похожим на известного артиста из фильмов «Шельменко-денщик», «Крепостная актриса» и др. Оказывается директор «Богатыря» отпустил своего шофера и свою машину в наше захватывающее путешествие. Выехав за пределы города, миновав все отвалы, мы оказались в бескрайней степи, до горизонта прорезанной посередине серой лентой неплохого шоссе. Я вспомнил старую дорогу в степи за ТЭЦ, петляющую по каким-то замысловатым извилинам... Теперь другое дело – жми на педали и просто удерживай баранку.

Уже через тридцать минут показались синие очертания гор. Как мы, мальчишками радовались, увидев это чудо в степи! Через час мы уже подъезжали к ним, только не с правой стороны, а с левой, где находился Баян-Аул со своим

озером. Попросив приостановиться, я сорвал кустик степной травы, усыпанный мелкими бело-серебристыми цветами, напомнившими, как мы привозили эти кустики домой. Да, это та самая степь моего детства, с теми же травами и запахами. Вдали проплыли дома посёлка Майкаина. Попутчики рассказали, что посёлок снова возрождается после лихих девяностых. Гряды гор Жасыбая издали напоминала лежащую женщину. Раньше весь транспорт заезжал к озеру со стороны «её ступней», следуя мимо причудливых гор в форме головы, огромной скалы, напоминающей булку хлеба, пионерского лагеря «Майкаин-золото», почти невидимого с дороги, и до самого нашего пионерлагеря «Орлёнок».

А теперь путь заезда лежал со стороны «головы», ранее мне неизвестный. Я с интересом рассматривал скалы по бокам извилистого шоссе, и вскоре рядом с подножием самой известной горы Агбед мне показали мемориальный комплекс с бюстом Жасыбая. Поднявшись по ступеням к памятнику, я увидел вдали родное одноимённое озеро и порадовался, как украсился этот ранее глухой уголок агбедовской гряды.

Родные горы, запах сосны, сочно пробивающийся в раскрытые окна автомобиля, груды камней, похожие на стопки гигантских толстых блинов или оладий, буйное разнотравье, цветы, пение птиц и стрекот кузнечиков вмиг оживили все детские картины. Ещё издали я узнал очертания озера и места, где был наш пионерский лагерь «Орлёнок». Глаз сразу уловил несколько новых двухэтажных зданий, как на знакомой территории, так и на местности, куда всегда выезжал любимый детский сад (я успел два года подряд, до школы туда съездить. Шахтёры построили для детей подшефного детсада летнюю дачу). Сердце забило сильнее, когда подъехали к воротам детского оздоровительного лагеря «Карлыгаш» – так теперь зовётся наш бывший пионерлагерь «Орлёнок», что в переводе с казахского означает «Ласточка». В живописнейших горах, напоминающих Волшебную страну, описанную Олегом Волковым в любимой детской книге... Никогда не забыть походы, костры, рыбалки, кинофильмы вечером, когда на стареньком проекторе сменяли

несколько бобин с киноплёнкой, а мы в перерывах бесились, потом возвращались, замёрзшие от ночного холода, в палату, и было счастье, если у кого-то находили сворованный из столовой кусочек хлеба...

У ворот встретил охранник, сказал, что нельзя заезжать на автомобиле, затем созвонился с начальником и пропустил нас. Я шёл как во сне. Память услужливо подсказывала – здесь было место проведения сборов и пионерских линейек. Каждый отряд заботливо украшал своё место с названием отряда, выложенным цветами, шишками, плодами шиповника, заячьей капустой и т.д. Теперь здесь стояло какое-то здание, ну вот, показалась столовая, наша любимая столовая, вокруг которой мы крутились в ожидании еды, напевая знаменитую песню «Наши бедные желудки были вечно голодны. И считали мы минутки до обеденной поры». Сейчас это было здание дискотеки. Ага! Вот сохранилось несколько корпусов, которые я сразу узнал. Один корпус на один отряд: с одного конца корпуса – девочки, с другого – мальчики. На открытой веранде в дождливые дни могли играть, разучивать песни, читать и т.д. Павел и Михаил Васильевич с интересом следовали за мной, слушая мои сравнения, воспоминания, и удивлялись, как это я помнил всё до мельчайших деталей.

Наконец подошли к озеру. Боже мой! Тот же песок, те же камыши в правом уголке озера, в ушах даже будто ожили крики ребят, вожатых и воспитателей, хотя кроме нас троих никого там не было. Закатав штаны, я по колено брёл по берегу озера и высматривал в воде камешки, из которых я в детстве выбирал горный хрусталь. Гранёных камней я не нашёл, но кругловатые – белый и чёрный были хорошим напоминанием занятий тех лет. Весь берег хорошо просматривался до новых зданий дома отдыха (теперь санаторий разреза «Богатырь»). Но перегородка в центре песчаной косы, обозначавшая теперь территорию разреза «Восточный» – сразу за пионерлагерем, смотрелась совершенно нелепо и нарушала прекрасную идиллию. Ещё я не увидел катера «Пионер», который был единственным солидным судном на озере и катал всех детей, хотя принадлежал майкаинскому лагерю.

Тем не менее душа пела от радости, ведь сколько раз снился этот берег озера детства, в каких только вариантах! И больше всего преобладало желание поплавать в кристально чистой воде до «гусиной» кожи и броситься на горячий, чистейший кварцевый песок золотистого цвета... В отличном настроении мы вернулись в машину и поехали в санаторий, по пути остановились у небольшой скалы, где когда-то белой масляной краской я писал свои инициалы, Юрки Омарова и Сашки Титанакова. Конечно, через столько лет ничего не сохранилось.

Директор санатория, симпатичный казах, ждал комиссию по приёму объекта в новом сезоне, тем не менее меня любезно принял, с удивлением узнал, что первыми отдыхающими дома отдыха в 1956 году были мои родители и для них двоих работала столовая, дежурила моторная лодка и предлагались «мероприятия». Поднявшись на гору за санаторием, на бывший дикий пляж, я увидел комплекс зданий и величественный корпус самого президента Казахстана. Да... Таких гостей Жасыбай раньше не знавал... Пообедав в столовой санатория (опять позаботился Куржей), мы двинулись в сторону Баян-Аула. Я благодарно окинул взглядом родные очертания страны детства и невольно подумал, когда ещё придётся увидеть эти места, да и придётся ли? Ещё через сорок лет это будет весьма проблематично... Вспомнилась лагерная песня со словами: «Гори, костёр, подольше, гори не догори, а завтра лагерю скажем: Прощай! Прощай! Прощай!»... Теперь стало ясно, что я в детстве отдыхал в невероятно красивом и живописном месте, не уступающем знаменитым курортам Европы, Азии, Америки. Побывав во многих странах этих континентов, я абсолютно убедился в этом. Однако в те далёкие годы такой оценки дать было некому, ибо знатоков заграничных красот попросту не было.

На берегу Баян-Аульского озера стояла база отдыха Павлодарского университета. Я уже знал от директора санатория «Богатырь», что здесь директором служит Саша Сыздыков, с которым мы были в первом отряде «Орлёнка» летом 1965 года. И точно, только мы заехали на территорию, сразу за нами подъехали синие «Жигули», из которых вышел солидный муж-

чина с короткими сидящими волосами на голове, но с лицом и глазами Сани Сыздыкова, которые нельзя было не узнать.

Радостно обнявшись после сорокалетней разлуки, я увидел озабоченность на его лице. Оказывается, он принял нас за комиссию, которая вот-вот должна приехать по вопросу приёмки объекта на летний сезон. И первые гости уже побывали и сделали нелепейшие замечания – перенести выгребную яму на 100 метров, заменить кое-какие блоки и т.д. И это за 2 дня до заезда отдыхающих. Было бы понятно, если бы эти замечания были к новому сезону будущего года. Кто же ставит ребром вопросы, которые требуют капитальных вложений и длительных сроков выполнения. И мне было искренне жаль видеть такую озабоченность на лице «мужчины под 60», ветерана советского, теперь уже казахского спорта, вложившего столько сил и энергии за много лет в создание и жизнедеятельность этой замечательной базы отдыха. Из его слов я понял, что члены комиссии – молодые специалисты из столицы Астаны, которые еще не знают, как достаются строительные объекты, их содержание и благоустройство, а большие полномочия виртуальная власть над людьми кружат голову, и опьяняют. Посоветовал ему чаще обращаться за помощью к всемогущему ректору университета. Обменявшись адресами, я распрощался с другом детства, и мы двинулись в обратный путь.

Ещё раз порадовался я лёгкости и скоротечности дороги «Волшебной страны детства», так я и буду продолжать называть Жасыбай, хотя старуюсь ездить в «Волшебную страну моей жизни» – Крым. Обратная дорога в Экибастуз показалась короткой. По пути ещё раз проехали посёлок Майкаин, затем остановились у родника с очень вкусной водой неподалёку от реликтовой рощи, сохранившейся, по преданию, аж с ледникового периода. В голове проносились картины детства в Жасыбае и только что увиденное. Так полюбили это место, что десятки раз во сне я выходил пешком за город и довольно быстро добирался до озера и лагеря. Ещё и ещё раз удивляла мысль, что сорок лет так быстро пролетели, но и как здорово пройти по тропинке детства через сорок лет...

Жасыбай 60-х годов остался только в памяти тех пионеров, вожатых, воспитателей, родителей и отдыхающих, которые там побывали в то время, а современники уже никогда не будут знать тех впечатлений, как бы о них ни рассказывали очевидцы. Подъезжая к старенькой трубе «нашей» ТЭЦ, я попросил свернуть к старому кладбищу, где были похоронены мои дедушка и бабушка по материнской линии, но списков могил не оказалось, и мы втроём безрезультатно побродили по месту захоронения экибастузцев, умерших в 1970-е годы. Вернувшись в гостиницу, я наскоро поужинал и под грузом ярких впечатлений быстро уснул.

В последний день я встречался со Станиславом Павловичем у него дома. В узкой улочке, рядом со зданием бывшей музыкальной школы, стоит целёхонек домик пятидесятих годов, половину которого занимает Куржей. Добротная четырёхкомнатная квартира, ухоженный участок, который смело можно назвать небольшим садом, с любовью выращенные деревья, цветы, две серебристые ёлочки, посаженные в честь двух правнуков, – словом, всё указывало на высокоорганизованного культурного хозяина.

После смерти любимой супруги, с которой больше полвека прожили душа в душу, Станислав Павлович свое жилье ни с кем не делит, лишь допуская домработницу Наташу прибраться в доме и приготовить еду, что она делает прекрасно. Я с любопытством рассмотрел все значки, регалии, эстампы, кубки, другие сувениры. Рядом с сувенирами уже висела тарелка с гербом Орла, на тумбочке стоял огромный карандаш с надписью Орёл. Приятно, что так быстро мои подарки нашли своё место в чудесном квартире-музее. Вкусно отобедав, мы уединились в комнате отдыха для беседы. Здесь я почувствовал в своём собеседнике такую спокойную уверенную мудрую государственную личность, что ещё раз убедился, что не место красит человека. Слушая историю жизни знаменитого шахтёра, я зажёгся его уникальной биографией и понял его желание написать книгу о своей жизни. В небольшом рассказе Куржея о своём детстве и юности прозвучало столько необычного и в то же время традиционно богатого приключениями всех родов от комических до трагических, в которые

ввергли наш народ все революции, войны, коллективизации, репрессии и т.д.

Судя по горящим глазам Станислава Павловича, его живому языку, твёрдой памяти, можно быть уверенным, что он постарается справиться с этой нелёгкой задачей. Хотя, как писатель и издатель, знаю, что это очень и очень непросто. Порой даже тысячи исписанных страниц остаются пустой грудой, из которых состоят километровые отвалы вокруг Экибастуза. Однако здесь интереснейшая фактура, и при хорошем литературном редакторе может получиться интересная книга, особенно для молодёжи, которая всё меньше знает истинную правду о жизни своих отцов, особенно дедов. Стало понятным его желание встретиться со мной, пригласить меня на праздник города. И я бы взялся в этом помочь, но расстояние между Орлом и Экибастузом и моя занятость сводят на нет такой творческий союз. Я рассказал всю техническую сторону решения вопроса и как найти хорошего редактора, скорее всего в Павлодаре. Пообещал поучаствовать в окончательной вёрстке и даже в издании будущей книги.

Воодушевлённый встречей с интереснейшим человеком, возвратился в гостиницу. Наконец-то я мог продолжить поиск старых знакомых и друзей по телефону. По номеру Галины Омаровой ответил неожиданно сам Юра, простите, Ибрагим Сатыбалдыевич, а мне никто не мог сказать, где мой самый близкий друг. Оказывается, он затворником живёт в Галиной квартире, не совсем здоров, перенёс кучу трагедий, включая потерю жены и сына, жил какое-то время в Алма-Ате. Однако мы очень хорошо поговорили, вспомнили наши многолетние походы, приключения, школу, Жасыбай, учителей, соседей... Юра постепенно оттаял и признался, что после моего отъезда такого друга у него больше не было. Я ему признался в том же. Что нам помешало держать связь все эти годы? Теперь уже не объяснить. Очень хотел бы встретиться, но в данных обстоятельствах не получается. Насчёт одноклассников грустная картина подтвердилась. Позвонил Василию Иванчикову – однокласснику Гали, узнал о судьбе Нади Сиденко, Наташи Гордеевой, Люды Гордиевской, старшекласниц, работавших в последнее

лето поварами в «Орлёнке» и давно покинувших Экибастуз. Только звонок Станислава Жиловского меня обрадовал, и мы провели последние часы в нашем Дворце культуры, погуляв по дорожкам шестидесятых, попив кофе в ресторане, где мы когда-то сидели в зрительном зале. Стас удивился, что я помню всё до мелочей из жизни дворца и все детали его интерьеров.

В половине четвёртого ночи подъехали Михаил Васильевич с Пашей, я позвонил Станиславу Павловичу, как он наказывал, что всё в порядке (мне было жалко будить замечательного человека!) и мы двинулись в Астану. Пронеслись до боли знакомые здания соцгорода и железнодорожного посёлка, и мы выехали на шоссе, где в этот предраассветный час было совершенно пусто. Паша рассказывал, как возил звёзд эстрады в Экибастуз, как спорил

по вопросу курения с самим Ахматовым, ставшим впоследствии премьер-министром Казахстана, – и дорога незаметно привела к утренней Астане.

Я подивился великолепию зданий в некогда обычном городе. Невольно подумалось, а что если Назарбаев, как Пётр Первый, на степных болотах строит невиданной красоты город, и столица Казахстана, как когда-то Петербург, поразит весь мир?..

Аэропорт ничем не уступал зарубежным, красивое новое здание. Звонкий голос объявил регистрацию на казахском, английском и русском языках. Пришло время прощаться с моими замечательными спутниками. Меня ждал новенький «Боинг».

Прощай, Казахстан! Прощай, страна детства – Экибастуз! Когда теперь доведётся увидеться?

Орловские писатели. 1996 год.